

Ф.Т. Михайлов: обращение как культурно-психологический феномен

В.Т. Кудрявцев

Московский городской педагогический университет (ГАОУ ВО МГПУ),
Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, e-mail: vtkud@mail.ru

Анализируется понятие «обращение», с введением которого связан один из фундаментальных вкладов Ф.Т. Михайлова в философию и теоретическую психологию. Раскрывается исторический и биографический контекст поисков Ф.Т. Михайлова, за которыми стоит классическая диалектическая традиция понимания человека и его творения — культуры. Многолетняя работа в психологии и контакты с психологами позволили по-новому реализовать эту традицию в ходе осмысления основ психологического знания в рамках культурно-исторического и деятельностного подходов. С точки зрения Ф.Т. Михайлова культура предстает как сфера воплощенных обращений людей (человеческих общностей) друг к другу. В логике этих обращений понимается процесс как творения культуры в истории, так и ее освоения в ходе индивидуального развития. Индивидуальное обращение, рассчитанное на «всеобщий» отклик лежит в основе любого человеческого действия. В адресных потоках взаимных обращений, «звов-отзывов» (не только вербальных), выражающих жизненную необходимость людей друг в друге, и рождается человеческая общность, внутри которой люди становятся «естественными органами жизнедеятельности».

Ключевые слова: обращение, культура, Ф.Т. Михайлов.

Для цитаты: Кудрявцев В.Т. Ф.Т. Михайлов: обращение как культурно-психологический феномен // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 1. С. 5–11. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170102>

F.T. Mikhailov: Appeal as a Cultural and Psychological Phenomenon

Vladimir T. Kudryavtsev

Moscow City University, Moscow State University of Psychology & Education,
Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, e-mail: vtkud@mail.ru

The paper analyzes the concept of ‘appeal’, the introduction of which is related to one of the fundamental contributions of F.T. Mikhailov into philosophy and theoretical psychology. The historical and biographical contexts of F.T. Mikhailov is revealed, behind which stands the classical dialectical tradition of understanding man and his creation — culture. Long-term work in psychology and contacts with psychologists made it possible to implement this tradition in a new way in the course of comprehending the foundations of psychological knowledge within the framework of cultural-historical and activity approaches. From the point of view of F.T. Mikhailov, culture appears as a sphere of embodied appeals of people (human communities) to each other. The logic of these appeals is seen both as the process of creating culture in history and as its assimilation in the course of individual development. Individual appeal, aimed at ‘universal’ response, is at the heart of any human action. It is in the targeted streams of mutual appeals, ‘call-responses’ (not only verbal) expressing the people’s vital need of each other, that a human community is born within which people become the “natural organs of life”.

Keywords: appeal, culture, F.T. Mikhailov.

Введение

12 апреля, День космонавтики, памятен еще одним событием для многих, чьей профессией является *мышление*. А философия, несомненно, относится к числу ремесел, о которых однажды сказал ее подвижник Эвальд Васильевич Ильенков: мышление, возведенное в ранг профессии. 12 апреля 1930 г. в казахстанском Чимкенте родился Феликс Трофимович Михайлов — в будущем соратник, единомышленник и друг Э.В. Ильенкова; оба из числа подвижников советской (затем и российской) философии, без которых она бы застряла в своем развитии на мертвых точках, венчающих формулировки «Краткого курса истории ВКП (б)». Ведь и после Сталина философию так трудно было сдвинуть с этих точек годами. Курс забыли (вытеснили) — ориентиры остались.

Молодые мыслители «оттепели» — такие как Ильенков и Михайлов — не претендовали на революцию в советской философии. И даже на «свободомысле» и, тем более, на «инакомыслие». Уже потому, что есть просто мысль — свободная, по определению, и всякий раз «иная». Другой не бывает. Ее-то, мысль, они и пытались вернуть в философию. Хотя по тем временам в самой этой попытке звучали мотивы философской «Марсельезы». Но куда отчетливее — стремление реконструировать логику и историю европейской классической философской мысли, которая стояла за Марксом, вне которой не было бы самого Маркса.

Маркс диалектик настолько, насколько он гегельянец. Гегелевское «самопорождение человека в деятельности (труде)» необъяснимо без Спинозовской *causa sui* (ключа к пониманию смысла диалектической контрверзы «природа творящая» — «природа сотворенная»). А ведь между Гегелем и Спинозой были еще Кант и Фихте (о Шеллинге — разговор особый), которые тоже работали над этим сюжетом... *Causa sui* Спинозы уходит своими корнями в Аристотеля (не только в его учение об энтелихии). Об Аристотеле трудно сказать что-либо путное, не зная его учителя Платона. Да и Платон начинал не с целины...

Думаю, можно назвать это без «измов» — просто «философией», тем более что «измов» Ф.Т. Михайлов не выносил. Если, конечно, иметь в виду под философией теорию генеза=поиска истины, которая неотделима от духовной практики обретения смысла в этом поиске. Но разве все остальное из того, что принято называть «философией», — не философия? Каждый отдельный случай требует своей оценки. Но могу, например, сказать: неопозитивизм или постмодернизм (выросший, кстати, из левацки, «по-партийному» переработанного марксизма) при-

надлежат, скорее, к категории «философствований», а не «философии», поскольку такой теории в себе не несут и такой практикой не являются. Ильенков — просто философ. Можно написать с большой буквы: «Философ», — хотя это пафосно.

Да, мы начинаем с того, с чем непосредственно связывает нас историческое время — с Ильенкова, а значит, и с Маркса. Но нужно сознавать, что, вытащив это звено, мы потянем всю цепочку. Не только в философии, но и в психологии, которая, так или иначе, опирается на Маркса — в культурно-исторической и теоретико-деятельностной психологии.

Даже те советские психологи, которые не прикрывались положениями Маркса, а искренне стремились по-новому разобраться в своем предмете, как правило, примеривали их к традиционным представлениям о психике, как платье, к готовым телесным формам. А надо было выраживать новое «тело» предмета методологическими средствами новой (для психологии) философии. А об этом писал еще Л.С. Выготский, настаивавший на необходимости создания «психологического “Капитала”». Редкие исключения — в работах С.Л. Рубинштейна (психолога-философа, выпускника Марбурга) и В.В. Давыдова так и не были по-настоящему осмыслены с этой точки зрения. Марксовы цитаты в психологических текстах били мимо цели, чаще — повисали чеховскими ружьями. Почему? Да потому что не был выстроен сам контекст теоретизирования, внутри которого они могли бы работать. А ведь это еще и контекст исканий Аристотеля и Фихте, не говоря уже о Спинозе и Гегеле, — исканий, которые прошли «мимо» «марксистской» психологии (и психологии вообще).

Ф.Т. Михайлов во многом восстановил и этот контекст.

1. Биография, внутри которой творилась история¹

На философском факультете МГУ, который Ф.Т. Михайлов окончил в 1954 г., судьба свела его с теми, с кем ему предстояло затем делать главное дело своей жизни — с Э.В. Ильенковым и В.В. Давыдовым. Обучаясь в аспирантуре того же факультета (1954–1957), Ф.Т. Михайлов работал над кандидатской диссертацией, посвященной философско-методологическим проблемам психоанализа. Эта работа вылилась в написание (в соавторстве) небольшой книжки «За порогом сознания» (1961) [13; 15]. Именно она заполнила вакуум содержательной литературы о психоанализе, который на десятилетия образовался у нас после выхода книги В.Н. Воло-

¹ В этом кратком биографическом очерке использованы материалы моей статьи «Философия и теоретическая психология Ф.Т. Михайлова» [4].

шинова (М.М. Бахтина?) «Фрейдизм. Критический очерк» (1927) [1]. И именно проблематика бессознательного, в стихии которого при более пристальном взоре обнаруживала себя драматичная позиционность, изначальная рефлексивность человеческого Я, задала ее автору импульс к теоретическому осмыслению феномена самосознания. Он ищет ответ на вопрос, какие культурно-исторические трансформации общественного сознания уложили весь мир на психоаналитическую кушетку.

Период с 1957 по 1970 г. был связан в жизни Ф.Т. Михайлова с кафедрой философии 2-го Медицинского института (г. Москва), где он работал в качестве доцента, а затем и заведующего. В этот период он пишет и издает книгу, с названием которой на долгие годы срослось его имя, — «Загадка человеческого Я» (1964; 2-е изд. 1976) [6; 7]. Парадокс: книга, бесспорно, вошедшая в золотой фонд советской гуманитаристики 1960–1970-х гг. и впоследствии переведенная на английский, французский, болгарский, чешский и другие языки, была создана за одно лето отнюдь не от хорошей жизни. Работу над ней побудил дефицит содержательной, написанной если не литературным (как труд Феликса Трофимовича), то хотя бы нормальным человеческим языком, литературы, которая позволила бы войти студентам-нефилософам в напряженное проблемное поле философского сознания, помочь им увидеть в философии не специализированную форму оперирования «общими понятиями», а «живую душу культуры» (К. Маркс).

Загадка человеческого Я и стала для автора книги смысловым центром, который стянул воедино все основные секторы этого поля. Это было поистине революционным шагом. Индивидуальное сознание и самосознание, которое вобрало и преобразовало в себе содержание исторически развивающейся культуры человечества, выступило не просто «вторичной» моделью общественного сознания. Автор — вслед за И.-Г. Фихте — увидел в них значимое выражение всеобщей формы специфически человеческой жизни («человеческого в человеке»), а тем самым и зеркало, где фундаментальные философские проблемы предстают в своем подлинном масштабе. Поэтому «Загадка...» — это изложение начал теории познания и философской антропологии (на которые в итоге замыкается философское знание в целом), а не узкоспециальное сочинение. Позднее, уже во второй половине 1980-х гг., это дало Ф.Т. Михайлову повод провозгласить: в основе *многообразных* отношений человека к миру лежит его *рефлексивное отношение к собственной субъектности*. Субъектности — не утратившей модуса своей индивидуальной самобытности, но при этом расширенной через свои креативные формы и воплощения в «пространстве культуры и времени истории». Данный тезис развернут и аргументирован в его докторской диссертации «Общественное сознание, индивидуальное сознание» (1986) [8] и монографии «Общественное сознание и самосознание индивида» (1990) [9]. Помимо всего прочего, подобный поворот мысли многократно усиливал фундаментальный статус психологии, одновременно

ориентируя ее на интеграцию с некогда утерянными философскими корнями.

Однако в советские времена он радикально расходился с установками официального «диалектического догматериализма». Неудивительно, что «свободомыслие» диалектика Ф.Т. Михайлова не осталось незамеченным. Феликс Трофимович был вынужден оставить пост заведующего кафедрой 2-го Медицинского института, как иронично выразился он сам, «по собственному желанию — по собственному желанию партии и правительства». Правда, 20 с лишним лет спустя историческая справедливость все же восторжествовала: в начале 1990-х гг. состоялось «второе пришествие» Ф.Т. Михайлова на кафедру философии (теперь уже — философии и культурологии) этого института (ныне — Российского государственного медицинского университета имени Н.И. Пирогова) в ранге ее заведующего.

Позднее Ф.Т. Михайлов в интервью, которое я взял у него для журнала «Вопросы психологии» [3], говорил, что недолюбливает эту книгу, хотя главное, — а его хватило для развития в нескольких томах, — там сказал (об этом ниже).

Про доктора философских наук, профессора, академика РАО Ф.Т. Михайлова можно рассказывать многое. Нельзя не вспомнить о чудесных годах его работы в качестве заведующего лабораторией методологии психологии личности НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (теперь — Психологический институт РАО), которую открыл для него В.В. Давыдов, тогдашний директор Института. Именно тогда и там я студентом впервые встретил Феликса Трофимовича. Встретил, чтобы приступить под руководством В.В. Давыдова к написанию дипломной работы, а моим консультантом по философии официально был назначен Ф.Т. Михайлов. Мне повезло — он стал еще и моим учителем на всю жизнь (или уже был, когда я только увидел его в институтском коридоре дымящим душистой трубкой?). Вместе с Э.В. Ильенковым, В.В. Давыдовым, А.В. Брушлинским и Т.В. Кудрявцевым. Из тех учителей, что начинают по-настоящему учить, уходя...

Разработка *современной* философии образования, которой Феликс Трофимович увлеченно занимался до конца своих дней, впервые началась в стенах той же лаборатории, встретив на своем пути яростное сопротивление адептов советской «академической» педагогики. Об этом свидетельствует хотя бы судьба подготовленной сотрудниками лаборатории коллективной монографии «Философско-психологические проблемы развития образования» (1981) [17]. Ф.Т. Михайлов рассказывал: «При обсуждении рукописи книги на специально созданной комиссии расплакалась (это буквально) одна женщина из Питера — между прочим, академик. «Я не позволю издеваться над *советской педагогикой!*». Решение комиссии: книгу сократить, членам академии на нее не ссылаться. При издании книги от 21 листа осталось... семь!» [10, с. 134]. В 1994 г. В.В. Давыдов переиздал эту монографию, но, к сожалению, в том же «усеченном» виде [18].

Именно эта книга во многом предвосхитила, а точнее, создала идейную почву для той «революции»

в российском педагогическом сознании, которая произошла десятилетием позже, уже на волне «перестройки».

К счастью, в относительно целостном виде нашли своего читателя другие издания, в подготовке которых участвовали Ф.Т. Михайлов и его сотрудники: сборники «Психологические проблемы нравственного воспитания» (1977) [14], «Взаимоотношения детей в совместной деятельности» (1981) [2]. Нельзя не упомянуть о по-настоящему прорывной книге, редактором и одним из авторов которой был Ф.Т. Михайлов, — о сборнике статей «Методологические проблемы психологии личности» (1981) [5]. Изданная на ротапринте тиражом в 500 экземпляров она практически не известна широкому читателю.

Легендарный институтский методологический семинар, заслуженно получивший имя «давыдовского», во многом организовывался и проводился силами лаборатории Ф.Т. Михайлова. Семинар превратился в своего рода оазис живой мысли в самом центре Москвы, куда по понедельникам стекалась интеллектуальная публика для того, чтобы услышать Э.В. Ильенкова и В.В. Давыдова, Ф.Т. Михайлова и В.С. Библера, В.А. Лекторского и Г.С. Батищева, М.К. Мамардашвили и Л.Н. Гумилева и многих, многих других. К этому оазису жадно тянулось молодое, растущее психологическое сознание. Финал деятельности лаборатории оказался вполне предсказуемым: вскоре после снятия В.В. Давыдова с поста директора Института (одно из самых суровых по тем временам обвинений, которое предъявлялось ему, был «прием на работу лиц с чуждыми политическими взглядами», в числе которых фигурировали и ведущие сотрудники лаборатории) она была ликвидирована.

В 1984 г. перед Ф.Т. Михайловым открывается свои двери Институт философии АН СССР (ныне — РАН), где он работает в должностях старшего, главного научного сотрудника, заведующего проблемной группой «Философия самосознания». На этом, завершающем, этапе своей научной биографии он создает свою концепцию обращений, которая, по его мнению, призвана лечь в фундамент «общего человекознания».

Биография Ф.Т. Михайлов не просто вошла в новейшую историю наук о человеке. Эта история творилась внутри нее.

2. В поисках главного слова

Ф.Т. Михайлов, будучи последовательным сторонником Э.В. Ильенкова, не сомневался в объективности идеального, противостоящего индивидуальному сознанию как особая реальность феноменов, в надындивидуальном характере «объективных мыслительных форм» (К. Маркс), которые имеют естественноисторическое происхождение и в этом плане ничуть не подвластны капризам воли индивида. Но при этом он прекрасно понимал, что идеальные формы культуры — всеобщие меры человеческого отношения к любому мыслимому содержанию обретают

свою действительность лишь в актах живого *обращения* людей друг к другу (это и есть то «главное слово», которое произнес Ф.Т. Михайлов уже в «Загадке»).

Концепция обращений, помимо уже упоминавшейся монографии Ф.Т. Михайлова «Общественное сознание и самосознание индивида», получила свое отражение в его книгах: «Избранное» (2001) [10] и «Самоопределение культуры» (2003) [11]; в коллективных монографиях «Самосознание: мое и наше» (1997) [15], «Человек как предмет и субъект медицины» (1999) [19]; в серии статей в журналах «Вопросы философии», «Философские науки» (где в последние годы он публиковался особо активно); в других изданиях.

«Соль» философии и «суть» философской, теоретической психологии Ф.Т. Михайлова — едины, ибо, как исторически, так и логически, неразделимы для него эти две формы рефлексии человеческого духа, человеческой культуры. Они — в идее смыслопорождающего обращения (вести-речи-посыла, по В.В. Библинхину) к миру другого человека с надеждой на *отклик*.

В этом аффективно насыщенном, экспрессивном обращении-посыле целостная конструкция нашей субъективной реальности не просто объективируется, но каждый раз заново строится, реорганизуется по его законам. Именно в логике таких обращений творится история человеческой культуры. А мы по-прежнему почитаем высшей добродетелью трактовать культуру как нечто безличное, безадресное и деавторизованное. Разумеется, как постоянно подчеркивает Михайлов, эти обращения с необходимостью принимают *каноническую форму* в виде норм нравственности, научности, эстетических идеалов и т. д., кристаллизуясь в творениях культуры — научных текстах, произведениях искусства, технических изобретениях и т. д., но при этом никогда не утрачивают своей первозданности и непосредственности (по словам Феликса Трофимовича, «душа не знает посредников»).

Человеческие предметы созданы людьми и для людей, а значит — всегда «со значением». Уже физическая форма стула «подсказывает» усталому путнику: присядь, отдохни [12]. Это — *идеальная* «подсказка», ее форма стула сохраняет и тогда, когда вы на нем не сидите. Не для вас — так для кого-нибудь другого. Таков посыл и конструктора стула, и столяра, и даже плотника, особым образом обрабатывающего дерево для стула, который предназначен для сидения (недаром появилась новая специализация — «столяр-плотник»). Разумеется, этот посыл адресуется не просто от «личного имени» трех специалистов — за ним стоит многовековая культура работы с деревом, ее образцы и нормы. Предметность такой культуры — образцы мебели, технологии ее изготовления, технические стандарты и др. Она и фиксирует в себе «значение стула» в обобщенной форме, которое опредмечивается в отдельных изделиях. А люди, не посвященные в профессиональные тонкости, сразу воспринимают это значение «пятой точкой» И воспринимают адекватно: «пятая точка» сразу «интуитивно», но на удивление достоверно определит, если

технические нормы в каком-то звене технологической цепи были нарушены. Ее не обманешь.

Значение слова «снег» первоначально воплощено не в самих по себе замерзших водяных кристаллах, а в полозьях саней и лыжах. Там оно зафиксировано идеально. Да и лыжные мази рассчитаны на определенные температуры, от которых зависит состояние снега. Что общего между мазью и снежинкой? Их связь до поры до времени предполагаема, идеальна, пока человек не встал на лыжи, ходовые качества которых она реально задает.

Равным образом язык — не просто система знаков, а семиотический инструмент оформления мысли и адресации другому человеку (даже если этот другой — ты сам) дотолде неоформленного и безадресного потока потенциально «значащих переживаний» (Ф.В. Бассин).

Ф.Т. Михайлов трактует обращение и как механизм порождения культуры, и как механизм ее развития (преобразования), и как механизм ее освоения в онтогенезе.

Остановимся на одном частном, анекдотическом эпизоде из жизни Ф.Т. Михайлова. Хотя таких эпизодов в его биографии несть числа, этот по-своему примечателен. Передаю со слов рассказчика — самого Феликса Трофимовича.

Как уже рассказывалось, полвека назад молодой Михайлов работал доцентом во Втором меде, преподавал философию (в конце жизни он вернулся туда заведовать философской кафедрой). Предмет идеологический. И вот на экзамен присылают инструкторшу из райкома ВЛКСМ, некую Машу — «дуру первостепенную», как охарактеризовал ее Ф.Т. Михайлов. Значит, надо было достичь особых отличий в том, чтобы юной даме-комсомолке получить такую характеристику из уст деликатнейшего, обходительнейшего, нежнейшего Феликса Трофимовича. Студентка тянет билет с вопросом о том, что такое личность. Готовится и выдает, в общем, верное — что-то вроде: Личность — это человек, который живет интересами других, объединяя их и выражая суть той эпохи, в которой все они живут вместе. Примеры личностей: Шекспир, Бетховен, Пушкин, Эйнштейн...

Тут оживляется гостя из райкома:

— Хорошо, а вот я, к примеру, являюсь личностью?

— А кем вы работаете? — интересуется студентка.

— Я работаю инструктором райкома ВЛКСМ, — произносит гордо Маша.

— Ну что вы! Я же сказала, личности — это Шекспир, Бетховен, Пушкин, Эйнштейн...

Инструкторша Маша покинула экзамен с поджатыми губками. А потом написала отчет о результатах идеологического контроля, подпустив обиженную слезу (примерно, кроме выделенной концовки): «Доцент Ф.Т. Михайлов распространяет на своих занятиях взгляды, согласно которым *ответственные комсомольские работники не являются личностями*». Вероятно, не соответствуя Маша характеристике Михайлова, она смогла бы по ответам студентов уловить куда более серьезные, идеологические крамоль-

ные «вольности», которые он допускал на своих занятиях. Но запало именно это.

Какой бы ни была Маша, ее, конечно же, спровоцировала студентка. Что студентке Шекспир? Личность. А она Шекспиру? То же, что ей Маша. Где студентка, а где Шекспир? Тогда нужен ли Шекспир?

Только у Шекспира актер плачет о какой-то Гекубе, которая, по понятным причинам, не подозревает о существовании актера. Что они друг другу? Ничего, если не понять, что актерскими слезами плачет сам Шекспир. Плачет по страданиям вообще — прошлому, настоящему, будущему. По тем, кто еще не родился и не страдал. Потому он — и личность. И его страдание — *страдание страданий. Мера переживаний*.

Уже не только все давно известно (из известного), но и давно пережито. До нас. Пережито *не так*, но именно *то*, что переживаем мы. Драматург поставил точку в рукописи, композитор захлопнул крышку рояля, художник нанес последний мазок — все, пережито. И не пережито — покуда не войдет в опыт всех и каждого, если ему суждено заново пережить. И кажется правдой Гекуба, и даже верится Пушкину, что Сальери отравил Моцарта, а Репину — что Иван Грозный убил своего сына. А правда одна — наши текущие переживания, поток которых подхватил авторское переживание и приобрел особую оформленность.

Наша Таня горче плачет, чем все Тани, уронившие в речку мячик, вместе. Или даже не уронившие. Поэтому утешение приходит к ней первой. А ее не тонущий в речке мячик оказывается успокоением для сотен Таничек, которые оплакивают не мячик, а что-то другое.

В этой «волшебной силе искусства» проступает объединяющее начало культуры, как его видел Ф.Т. Михайлов.

По Ф.Т. Михайлову, любое человеческое действие, любая мысль, любой образ, любое чувство приобретают культурную форму (а в иной — все это просто не существует) в силу того, что наполняется смыслом общезначимого *обращения* к другим людям. Если даже человек что-то делает, о чем-то думает, что-то представляет, что-то чувствует, оставаясь наедине с собой. Более того, действие, мысль, образ, чувства становятся возможными благодаря тому, что изначально являются обращениями. Эйнштейн не просто рассматривает классическую механику как частный случай в своих построениях, а указывает на границы той картины мира, которая была универсальна для Ньютона и всех тех, кто разделял его мировоззрение. Теория относительности — это обращение. В череде таких обращений, согласно Ф.Т. Михайлову, рождается и живет *феномен культуры*.

Я потерялся в лесу, но нашел выход. Нашел и вдруг подумал о других людях, которые тоже могут заплутать. Я их не знаю и знать не могу. Возможно, они еще только собираются в лес. А я, уже предвидя их проблемы, наносу зарубку на дерево — знак. ...Все же, они заблудились в чащобе. Но вот увидели оставленный для них знак. И просто пошли в нужном направлении, без всяких благодарностей в адрес человека, о существовании которого могли лишь предполагать. Тут и не нужно благодарить, тут нужно

просто выбираться. Я обратился к ним — буквально, обернувшись, как герой мифа или сказки, в знак. Знака достаточно. В нем я превращаюсь, в свою, говоря философским языком, «всеобщую форму». Но когда-нибудь и мои спасенные выручат меня в подобной ситуации. Не они — так другие. Мы, не зная друг друга лично, станем небезразличными друг другу.

На простом примере мы увидели, «как работает» механизм культуры — обращение. Но это же — и механизм психической жизни в ее культурной, человеческой форме.

«Уникальная способность человека совершать целесообразно произвольные действия, обращенные к чувству других людей с надеждой на взаимопонимание, к свободному событию с ними как к бытию добра, бытию нравственному, — вот начало и высшая ценность человеческой истории и культуры!» [12, с. 42].

Ф.Т. Михайлов — родом из Чимкента (Шымкента), окруженного южно-казахстанскими степями. Степное пространство не знает пустот, обмеряемых расстояниями «от столба до столба», как бы сказал Иван Ильин. Его заполняет *голос*, который одновременно выполняет в нем и функцию мерки. *Бір шақырым жер*, говорят казахи, что буквально означает расстояние на земле (*жер*) в один (*бір*) голос (*шақырым*). Так, перекрикиваясь, перекликаясь, измеряли расстояние в степи. Но голос — не просто мерка, а зов, обращение к значимому ближнему в расчете на отзыв — заинтересованный и выразительный. На встречное адресное обращение к тебе, для кого-то тоже очень важному и значимому. И только поэтому голос становится меркой, знаком *согласия* как минимум двоих. В адресных потоках взаимных обращений, «звов-отзывов» (не только вербальных), выражающих жизненную необходимость людей друг в друге, и рождается человеческая *общность*. *Общность*, внутри которой люди становятся, по выражению Михайлова, «естественными органами жизнедеятельности» друг друга.

Уильям Сароян писал: «Я не верю в расы. Я не верю в правительства. Я вижу жизнь в единственном числе и в одном времени. Миллионы жизней одновременно, по всему свету. Младенцы, не умеющие говорить ни на одном языке, и есть единственная раса на земле, род человеческий, все остальное, то, что зовется у нас цивилизацией, ненавистью, страхом, жадной власти — притворство. Но дитя есть дитя. Братство людей — в детском плаче» [16, с. 35].

Младенческий плач, добавлю: и все доречевые вокализации (гуление, смех и т. д.), важнее языка, который всегда национален. Язык «вписывает» человека в относительно небольшую группу людей и отсекает от большой, урезая образ мира до того, что можно на нем высказать. Национальный язык остается человеческим и человечным настолько, насколько материнская песня, спетая на этом языке, отзывается на плач ребенка. Тогда язык становится по-настоящему родным. Еще до знания и понимания, в переводе на первозданные эмоции. Результатом этого «перевода» является рождение смутных, но уже ключевых, смыслов. Только став родным, предельно личным и запредельно универсальным одновременно, язык приобретает для ребенка характер национального.

Мать и дитя, их *взаимные* обращения друг к другу в виде плача и материнской песни — на этом зиждется «человеческое в человеке». И в виде улыбок.

Ровно через 31 год после того, как на свет появился Ф.Т. Михайлов, человек полетит в Космос. И вернется со знаменитой улыбкой Гагарина.

По линии гагаринской улыбки проходит один из самых главных рубежей в истории человечества. Рубеж пройден 60 лет назад, но смысл его до сих пор по-настоящему не осознан. Мы еще не прочитали улыбку Гагарина, которую он принес из Космоса. С неизвестной планеты, где живут незнакомые нам разумные существа. Постоянно напоминающие посланиями к нам, разгадать которые сумел Ф.Т. Михайлов.

Литература

1. Волошинов В.Н. Фрейдизм. Критический очерк. М.: Гос. изд-во, 1927. 164 с.
2. Взаимоотношения детей в совместной деятельности / Под ред. Ф.Т. Михайлова. М.: НИИ ОПП АПН СССР, 1981. 155 с.
3. К 75-летию Ф.Т. Михайлова // *Вопр. психол.* 2005. № 3. С. 151–156.
4. Кудрявцев В.Т. Философия и теоретическая психология Ф.Т. Михайлова // *Вестник РГГУ. Сер. «Психология»*. 2006. № 1. С. 269–283.
5. Методологические проблемы психологии личности / Под ред. Ф.Т. Михайлова. М.: НИИ ОПП АПН СССР, 1981. 181 с.
6. Михайлов Ф.Т. Загадка человеческого Я. М.: Политиздат, 1964. 270 с.
7. Михайлов Ф.Т. Загадка человеческого Я. 2-е изд. М.: Политиздат, 1976. 287 с.
8. Михайлов Ф.Т. Общественное сознание, индивидуальное сознание: дис... д-ра филос. наук. М., ИФРАН, 1986. 542 с.

References

1. Voloshinov V.N. Freydisim. Kriticheskiy ocherk [Freudianism. Critical essay]. Moscow: Gos. Publ., 1927. 164 p. (In Russ.).
2. Vsaimootnosheniya detey v sovместnoy deyatel'nosni [The relationship of children in joint activities]. Mikhailov F.T. (ed.). Moscow: NII OPP APN SSSR, 1981. 155 p. (In Russ.).
3. K 75-letiyu F.T. Mikhailova [To the 75th anniversary of F.T. Mikhailova]. *Vopr. psihologii = Vopr. Psychol.* 2005, no. 3, pp. 151–156. (In Russ.).
4. Kudryavtsev V.T. Filosofiya i teoreticheskaya psihologiya F.T. Mikhailova [Philosophy and theoretical psychology F.T. Mikhailova]. *Vestnik RGGU = Bulletin of the RUSH. Ser. "Psychology"*, 2006, no. 1, pp. 269–283. (In Russ.).
5. Metodologicheskie problemy psihologii lichnosti [Methodological problems of personality psychology]. Mikhailov F.T. (ed.). Moscow: NII OPP APN USSR, 1981. 181 p. (In Russ.).
6. Mikhailov F.T. Zagadka chelovecheskogo Ya [The mystery of the human self]. Moscow: Politizdat, 1964. 270 p. (In Russ.).

9. Михайлов Ф.Т. Общественное сознание и самосознание индивида. М.: Наука, 1990. 222 с.
10. Михайлов Ф.Т. Избранное. М.: Индрик, 2001. 655 с.
11. Михайлов Ф.Т. Самоопределение культуры. Философский поиск. М.: Индрик, 2003. 272 с.
12. Михайлов Ф.Т. Проблема метода культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 30–46.
13. Михайлов Ф.Т., Царегородцев Г.И. За порогом сознания. Критический очерк фрейдизма. М.: Госполитиздат, 1961. 112 с.
14. Психологические проблемы нравственного воспитания / Ред.-сост. Ф.Т. Михайлов. М.: НИИ ОПП АПН СССР, 1977. 172 с.
15. Самосознание: мое и наше / Ред. Ф.Т. Михайлов. М.: ИФРАН 1997. 256 с.
16. Сароян У. Отважный юноша на летающей трапеции. М.: Эксмо, 2014. 236 с.
17. Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1981. 128 с.
18. Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Центр инноваций в науке, технике, образовании, 1994. 127 с.
19. Человек как предмет и субъект медицины / Ред. Ф.Т. Михайлов. М.: РГМУ, 2002. 170 с.
7. Mikhailov F.T. Zagadka chelovecheskogo Ya [The mystery of the human self]. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1976. 287 p. (In Russ.).
8. Mikhailov F.T. Obtzhestvennoe sosnanie, individualnoe sosnanie. Dis. doct. philosophy [Public consciousness, individual consciousness]. Science. Moscow: IFRAN, 1986. 542 p. (In Russ.).
9. Mikhailov F.T. Obtzhestvennoe sosnanie, individualnoe sosnanie [Public consciousness and self-awareness of the individual]. Moscow: Nauka, 1990. 222 p. (In Russ.).
10. Mikhailov F.T. Isbrannoe [Favorites]. Moscow: Indrik, 2001. 655 p. (In Russ.).
11. Mikhailov F.T. Samoopredelenie kultury. Filosodskiy poisk [Self-determination of culture. Philosophical search]. Moscow: Indrik, 2003. 272 p. (In Russ.).
12. Mikhailov F.T. Problema metoda kulturno-istoricheskoy psikhologii [The problem of the method of cultural-historical psychology]. *Kulturno-istoricheskaya psihologiya = Cultural-historical psychology*, 2005, no. 2, pp. 30–46. (In Russ.).
13. Mikhailov F.T., Tzaregorodtzev G.I. Sa porogom sosnaniya. Kriticheskiy ocherk freidizma. [Beyond the threshold of consciousness. A critical sketch of Freudianism]. Moscow: Gospolitizdat, 1961. 112 p. (In Russ.).
14. Psihologicheskie problemy npravstvennogo vospitaniya [Psychological problems of moral education]. Mikhailov F.T. (ed.). Moscow: NII OPP APN SSR, 1977. 172 p. (In Russ.).
15. Samosoznanie: moe i nashe [Self-awareness: mine and ours]. Mikhailov F.T. (ed.). Moscow: IFRAN 1997. 256 p. (In Russ.).
16. Saroyan U. Otvashnyi unosha na letayushtey trapetsii [A brave young man on a flying trapeze]. Moscow: Eksmo, 2014. 236 p. (In Russ.).
17. Filsovsko-psihologicheskie problem rasvitiya obrasovaniya [Philosophical and psychological problems of education development]. Davydov V.V. (ed.). Moscow: Pedagogika, 1981. 128 p. (In Russ.).
18. Filsovsko-psihologicheskie problem rasvitiya obrasovaniya [Philosophical and psychological problems of education development]. Davydov V.V. (ed.). Moscow: Center for innovations in science, technology, education, 1994. 127 p. (In Russ.).
19. Chelovek kak predmet i sub'ekt mediziny [Man as a subject and subject of medicine]. Mikhailov F.T. (ed.). Moscow: RGMU, 2002. 170 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Кудрявцев Владимир Товиевич, доктор психологических наук, профессор, эксперт лаборатории культурно-исторических моделей образования, Институт среднего профессионального образования имени К.Д. Ушинского; профессор дирекции образовательных программ, Московский городской педагогический университет (ГАОУ ВО МГПУ), Кафедра ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», Московский государственный психолого-педагогического университета (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, e-mail: vt kud@mail.ru

Information about the authors

Vladimir T. Kudryavtsev, professor, expert of the laboratory of cultural and historical models of education, Institute of secondary vocational education named after K. D. Ushinsky, professor of the Directorate of Educational Programs of the Moscow City University, professor of the UNESCO Department of Cultural and historical psychology of childhood, Moscow state University of psychology and education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, e-mail: vt kud@mail.ru

Получена 01.03.2021

Принята в печать 15.03.2021

Received 01.03.2021

Accepted 15.03.2021